

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ: РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

BOOK REVIEW

РЕЦЕНЗИЯ
BOOK REVIEW

ЯДОВА Майя Андреевна
кандидат социологических наук,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
m.yadova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2988-1513>

УДК/UDC: 316.42:[304.442+316.75+304.2]:008
ГРНТИ: 03.23.55
БАК: 5.10.1.
<https://doi.org/10.36343/SB.2025.41.1.013>

Феномен советского модерна: переосмысливая прошлое

Рецензия на книгу: Социокультурные основания советского модерна : коллект. монография / О. В. Аксенова, Э. К. Бийжанова, К. В. Подъячев и др.; отв. ред. О. В. Аксенова. – Москва : Федер. науч.-исслед. социологич. центр Рос. акад. наук, 2022. – 300 с. – Текст (визуальный) : непосредственный. ISBN 978-5-89697-397-3. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022

Аннотация. Рецензия посвящена анализу масштабного исследования советской цивилизации, результаты которого были представлены в коллективной монографии «Социокультурные основания советского модерна». Рецензент указывает, что авторы стремятся преодолеть упрощенные полярные оценки СССР, предлагая взгляд на советский модерн как на сложный синтез государственного проектирования и стихийных социокультурных процессов. Целевой ориентир исследования – анализ деятельности советского государства в социокультурной сфере и ее реальных результатов сквозь призму цивилизационного подхода, при этом пристальное внимание уделяется противоречиям, свойственным советскому обществу на разных этапах его эволюции. Раскрыто содержание семи разделов монографии, отмечены ее достоинства – легкость стиля и богатство эмпирического материала. Подчеркивается связь исследования с современными научными работами, посвященными анализу ностальгических трендов в общественном сознании (феномен ретротопии).

Ключевые слова: советский модерн, советское общество, советский человек, советская повседневность, цивилизационный подход, ретротопия.

© Ядова М. А., 2025

Дискуссии о советском прошлом не утихают с момента распада СССР, а в последние годы в связи с изменившейся геополитической обстановкой они еще больше обострились. Вместе с тем, как справедливо замечает российский экономист и социолог Д. Я. Травин, «спору между теми, кто ностальгирует по советской действительности, и убежденными сторонниками реформ редко принимают аргументированный оборот» [4, с. 7]. В предлагаемой вниманию читателей коллективной монографии «Социокультурные основания советского модерна» представлены результаты масштабного исследования советского модерна, проект реализован под руководством доктора социологических наук, руководителя Центра изучения регионов России Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН О. В. Аксеновой. По словам авторов монографии, в процессе работы над ней они стремились «понять, что пыталось в социокультурной сфере сформировать государство и что получилось в итоге, насколько реальными были советский человек и новое общество, и если они реальны, то какими они были» [3, с. 11]. По признанию исследователей, изучение социокультурных институтов и ценностей СССР оказалось делом сложным, несмотря на огромный пласт литературы, документальных свидетельств, произведений искусства, воспоминаний о том периоде. Дело не столько в физическом исчезновении предмета исследования, сколько в том, что мир советского за прошедшие годы превратился в «конструкт, обросший кажимостями, видимостями, мифами и симулякрами» [3, с. 12], за которыми потерялось содержание исследуемого феномена. Сегодня, по словам Д. Я. Травина, при обсуждении советской эпохи в российском обществе стало модным апеллировать к двум типам «истории для ленивых» – «для ленивых оптимистов и для ленивых пессимистов» [4, с. 226]. Для оптимистов существует «официозная» точка зрения, согласно которой в советское время практически все, за исключением некоторых деталей, было хорошо; для пессимистов же существует оппозиционная схема, предполагающая, что «советский простой человек», хотя и в новом поколенческом изводе,

«постоянно воспроизводит плохую советскую систему, несмотря на революции, перестройки и реформы» [4, с. 226]. Добросовестные исследователи, к каковым мы относим и авторов рецензируемой монографии, стараются уйти от этой сомнительной дихотомии, показав, что феномен советского общества был гораздо сложнее.

Книга имеет логично выстроенную структуру и состоит из семи разделов. Первый раздел «Парадигма социального действия и цивилизационный подход» обрисовывает теоретико-методологические рамки проведенного исследования. Второй раздел «Идеалы и смыслы советской цивилизации» посвящен ценностным и институциональным основаниям советской культуры, как государственно-нормативным, так и сложившимся вне официальной идеологии (на примере православной религиозной традиции). В третьем разделе «Парадоксы социокультурного освоения пространства» рассматриваются особенности взаимодействия советского человека с разного рода пространствами: культурным (театром, изобразительным искусством и пр.), территориально-приграничным (о повседневной жизни советского приграничья) и т. п. В четвертом разделе «Формирование нового человека: идеология и культура» описываются механизмы конструирования советских идеологических установок и передача их новым поколениям. В пятом разделе «Трансформация социокультурного феномена улицы и его роли в формировании ценностных ориентаций молодежи в СССР» представлено исследование феномена советской улицы и специфических особенностей ее социализирующей функции. Шестой раздел «Великая Отечественная война как столкновение цивилизаций» акцентирует внимание читателя на анализе мобилизационных механизмов советского общества. Наконец, седьмой раздел «Саморефлексия в СССР. Противоречия свободной мысли» посвящен важнейшему для становления демократической общественной мысли периоду оттепели в СССР, сформировавшему поколение шестидесятников.

Авторы книги, сравнивая формационный и цивилизационный историософские подходы и признавая их достоинства, все-таки отдают предпочтение второму. Если последователи

формационного подхода рассматривают историю человечества как единый процесс развития от примитивных форм к более совершенному обществу, то те, кто разделяет цивилизационный подход, понимает историю как дискретный процесс, подразумевающий пути развития «разных народов, объединяемых на основании некоторых культурных сходств в особые наднациональные общности – цивилизации» [3, с. 33], каждая из которых переживает свойственные ей социальные стадии развития – от подъема, расцвета до упадка. Авторы разделяют существующие в рамках цивилизационной историософии концепции на две группы: сторонники первой исходят из предположения о том, что каждая цивилизация развивается по своим уникальным законам, приверженцы второй полагают, что законы развития являются общими для всех цивилизаций [3, с. 58].

Авторы отмечают сложность и противоречивость советской цивилизации: с одной стороны, она была результатом целенаправленного вида проектирования, государственной стратегии развития общества, с другой – новое общество создавалось на уже заложенном фундаменте социального устройства Российской империи (стремление к «аннигиляции» прошлого – тоже определенный опыт). Поэтому без преувеличения можно сказать, что советский модерн складывался под влиянием множества факторов и разнонаправленных процессов. Авторы книги называют это «сложной целостностью», в рамках которой жесткость (а зачастую и жестокость) реформ сочетались с гуманистическими тенденциями в культуре, образовании, человеческих отношениях [3, с. 273]. Исследователи настаивают, что ключевым элементом системы советского модерна был актер, который обеспечивал ее мобилизационный потенциал в критических ситуациях, например в годы Великой Отечественной войны, но был и способен действовать вопреки системе. Рассуждая о парадоксальном неконформизме шестидесятников, авторы отмечают, что «социализация внутри системы (в школе, в институте) и вне ее (в семье и на улице) воспитывала умение отстаивать свою позицию, вопреки распространенным представлениям о воспитании...

конформиста» [3, с. 259]. Оказалось, что сама система выживания в советском обществе способствовала формированию не только типичного «советского простого человека»¹, но и его полной противоположности – социально активной, критически мыслящей, независимой в убеждениях и поступках личности. Авторы, опираясь на результаты интервью с социологами-шестидесятниками, вынужденными бороться за право заниматься честной, неангажированной наукой, пишут, что в те годы «позиция борьбы неизбежно определяла результат научной работы, а смелость служила критерием оценки и фактически критерием истины» [3, с. 260].

Интересно, хотя и не бесспорно, утверждение авторов монографии о том, что западный модерн «минимизирует субъектность», создавая гибкую, саморегулируемую систему, результативную в устойчивой среде, но иногда трансформирующуюся в «бюрократическую диктатуру» [3, с. 277], тогда как советский социум нередко «прогибался» под действиями активных и упорных акторов (впрочем, часто происходило и обратное – система «ломала» людей). Например, успех советской армии в годы ВОВ авторы объясняют не полностью алгоритмизированной тактикой борьбы с противником, предполагавшей «инициативные действия самого бойца, подчас не имевшего связи с командирами» [3, с. 249], в то время как немецкие солдаты «действовать без приказов, без централизованного управления... в массе своей были неспособны» [3, с. 250]. Также авторами отмечается особая «технологичность» поведения гражданского населения Германии во время войны: к примеру, в одном из занятых советской армией немецких городов Ландсберге все жители надели белые повязки, повинаясь приказу о капитуляции (для советского / российского человека, не всегда привыкшего следовать формальным правилам, такое поведение выглядит необычным) [3, с. 250].

¹ Речь идет о концепции «советского простого человека», предложенной российским социологом Ю. А. Левадой и его командой. Исследователи выделяют следующие негативные черты этого типа личности: двоемыслие, приспособленчество, отсутствие интереса к качеству своего труда, безынициативность, стремление «не высовываться», внешнее подчинение любым, даже безнравственным, действиям власти [2].

В книге приводится много примеров творческого социального активизма советских людей в самых разных сферах жизнедеятельности, но, наш взгляд, не всегда делается акцент на ненормальности по сути жизни в вечной «борьбе с системой», в преодолении рожденных ею трудностей (товарный дефицит, идеологизированность, закрытость общества и пр.). Некоторые малопривлекательные стороны повседневной жизни советского человека не слишком вяжутся с утверждением авторов о миссии советской цивилизации, состоящей прежде всего в формировании единого и одновременно разнообразного социокультурного «пространства... деятельности всесторонне образованного и активного, творческого человека» [3, с. 275]. Как известно, «после» не значит «вследствие». Судя по всему, одним из факторов, подтолкнувших достаточно значительную часть советских граждан к поддержке сценария распада СССР, стало нараставшее среди населения внутреннее ощущение ненормальности прежнего существования.

Надо сказать, что для нынешнего постмодернистского общества характерны сильные ностальгические тенденции. Британский социолог З. Бауман предложил термин «ретротопия» для обозначения глобальной эпидемии ностальгии [6]. Очевидно, что феномен ретротопии во многом вызван социальной турбулентностью и рисками современного мира. Ставшая сегодня популярной во многих странах бывшего социалистического лагеря

посткоммунистическая ностальгия легко вписывается в отмеченные тренды. Так, социальные исследователи выделяют «остальгию» (ностальгию по временам ГДР), «югоностальгию» (ностальгию по социалистической Югославии), ностальгию по СССР и пр. [5] [7] [8]. Согласно социологическим опросам последних десятилетий, как правило, практически во всех возрастных группах россиян, может быть, за исключением самой младшей когорты (до 25 лет), фиксируется сожаление о распаде СССР. Причем молодежь нередко противопоставляет российское общество советскому не в пользу первого, отмечая уверенность в завтрашнем дне, консолидирующие ценности, культурные достижения и величие СССР в сравнении с непростыми современными реалиями, для которых характерны общественная атомизация, социально-экономические трудности, недостатки управленческих механизмов [1, с. 112].

Современным ученым еще предстоит более глубокое изучение социокультурного наследия советской цивилизации и его роли в нашей сегодняшней жизни. Эта работа является еще одним важным шагом в данном направлении. В качестве несомненного достоинства книги отметим легкий слог и обширный эмпирический материал, на котором строится проведенное исследование. Не вызывает сомнений, что рецензируемая монография может быть полезна не только специалистам, но и всем, кто интересуется реалиями советской жизни и наследием «советского проекта».

Maiya A. YADOVA

Cand. Sci. (Social Structure, Social Institutes and Processes),
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

m.yadova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2988-1513>

The Phenomenon of Soviet Modernity: Rethinking Our Past

Book Review: Aksenova, O.V. (ed.) (2022) *Sotsiokul'turnye osnovaniya sovetskogo moderna* [Sociocultural Foundations of Soviet Modernity]. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. 300 p. ISBN 978-5-89697-397-3. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022)

Abstract. The author reviews a collective monograph by Russian scientists, which is based on the results of a study of the social and cultural specifics of the Soviet modernity. The authors of the book proceed from the assumption that the Soviet project was an organic part of the Russian civilization. The reviewer points out the authors' desire to move away from simplified assessments of the USSR, contrasting their multifaceted research with polar narratives ("official optimism" vs. "liberal pessimism"). The aim of the study was the analysis of the activities of the Soviet state in the socio-cultural sphere and its real results through the prism of the civilizational approach. The economic, social and political determinants that defined the life of Soviet society are analyzed. The Soviet regulatory and value spaces are examined, with special attention to the personal dimension of the Soviet civilization. The contradictions inherent in Soviet society at different stages of its evolution are subject to a close study. Using the events of the Great Patriotic War as an example, the authors identify specific features of social action in Soviet society and examine the mechanisms of centralized governance in the USSR. Interviews with nonconformist sociologists illustrate how the struggle for honest science determined their academic reputation. The reviewer reflects on the possibilities and limitations of the Soviet modernity project and the Soviet person model, also comparing the concept of an ordinary Soviet person with the concept of a Western person. The reviewer enters into polemics with the authors of the book on the USSR's civilization mission and social and cultural factors of its collapse, noting the variety of reasons that led to the Soviet Union's disintegration. Moreover, attention is paid to the phenomenon of nostalgia for the Soviet past in contemporary Russia and post-Soviet countries (retrotopia), and to the generational peculiarities of this phenomenon. The reviewer cites the findings of sociological studies that indicate that Russian youth idealize life in the USSR and contrast modern society with Soviet society. Among the undoubted advantages of the book, the reviewer notes the extensive empirical material of the research: excerpts from interviews and memoirs, from biographical stories of representatives of different generations who were born and lived in the USSR. According to the reviewer, the book can be useful to anyone interested in the realities of Soviet life and the legacy of the "Soviet project" in the post-Soviet space.

Keywords: Soviet modernity, Soviet society, Soviet man, Soviet everyday life, civilizational approach, retrotopia.

Литература:

1. Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1. С. 107–118.
2. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.
3. Социокультурные основания советского модер-на: [моногр.] / О. В. Аксенова, Э. К. Бийжанова, К. В. Подъячев [и др.]; отв. ред. О. В. Аксенова. М.: Федер. науч.-исслед. социологич. центр Рос. акад. наук, 2022. 300 с. DOI: 10.19181/monogr:978-5-89697-397-3.2022
4. Травин Д.Я. Как мы жили в СССР. М.: Новое лит. обозрение, 2024. 512 с.
5. Bartmansk D. Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist nostalgia // *Acta Sociologica*. 2011. Vol. 54, N 3. P. 213–231.
6. Bauman Z. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press, 2017. 179 p.
7. Berdahl D. «(N)Ostalgia» for the Present: Memory, Longing, and East German Things // *Ethno*. 1999. Vol. 64, № 2. P. 192–211.

References:

1. Kasamara, V.A. & Sorokina, A.A. (2014) *Obraz SSSR i sovremennoy Rossii v predstavleniyakh studencheskoy molodezhi* [The Image of the USSR and Modern Russia in Student Perceptions]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 107–118.
2. Levada, Yu.A. (ed.) (1993) *Sovetskiy prostoy chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh gg.* [The Soviet Common Man: A Social Portrait at the Turn of the 1990s]. Moscow: Mirovoy okean. 300 p.
3. Aksenova, O.A. (ed.) (2022) *Sotsiokul'turnye osnovaniya sovetskogo moderna* [Sociocultural Foundations of Soviet Modernity]. Moscow: FCTAS RAS. 300 p. DOI: 10.19181/monogr:978-5-89697-397-3.2022.
4. Travin, D.Ya. (2024) *Kak my zhi-li v SSSR* [How We Lived in the USSR]. Moscow: NLO. 512 p.
5. Bartmansk, D. (2011) *Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia*. *Acta Sociologica*. 54 (3). pp. 213–231.
6. Bauman, Z. (2017) *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press. 179 p.

8. Boyer D. Ostalgie and the Politics of the Future in Eastern Germany // *Public Culture*. 2006. Vol. 18, N 2. P. 361–381.

7. Berdahl, D. (1999) "(N)Ostalgia" for the Present: Memory, Longing, and East German Things. *Ethnos*. 64 (2). pp. 192–211.

8. Boyer, D. (2006) Ostalgie and the Politics of the Future in Eastern Germany. *Public Culture*. 18 (2). pp. 361–381.

Потенциальный конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Disclosure

The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Ядова М. А. Феномен советского модерна: переосмысливая прошлое: Рецензия // *Наследие веков*. 2025. № 1. С. 167–172. DOI: 10.36343/SB.2025.41.1.013

For citation:

Yadova, M.A. (2025) The Phenomenon of Soviet Modernity: Rethinking Our Past. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 167–172. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.41.1.013

Поступила в редакцию / The article was submitted 13.02.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.03.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 15.03.2025

Опубликована / Published 31.03.2025